

Л.Б. Макеева

Психологический реализм: аргументы «за» и «против»*

Исследования по проблеме сознания можно без преувеличения назвать центральной темой в современной аналитической философии. Даже философия языка и философия науки, которые традиционно воспринимались аналитиками как образующие ядро философии, явно уступают философии сознания по количеству публикаций и многообразию выдвигаемых концепций, а такой полемический накал и исследовательский энтузиазм, который можно наблюдать в дискуссиях по проблеме сознания, вряд ли вызывает сейчас какая-либо другая тема. Столь небывало высокий интерес к философии сознания, на наш взгляд, не в последнюю очередь объясняется тем, что начавшиеся в 1940–1950-е гг. интенсивные разработки в сфере искусственного интеллекта и в сформировавшейся впоследствии новой области междисциплинарных исследований – когнитивной науке, объединившей в своих рядах специалистов по компьютерной технике, нейрофизиологов, лингвистов, психологов, математиков и др., дали мощный импульс обсуждению природы сознания. С одной стороны, эти разработки заставили философов взглянуть на проблему сознания по-новому – не как на чисто умозрительную, а как на практическую в какой-то мере задачу, вплетенную в контекст моделирования разнообразных интеллектуальных функций; с другой стороны, они стали для философов богатейшим и постоянно расширяющимся источником разнообразных данных, которые они могут использовать в поисках

* Работа выполнена при поддержке индивидуального исследовательского гранта 2006 г. (№ 06-01-0076) Научного Фонда ГУ–ВШЭ.

ответа на ключевой философский вопрос: в чем природа сознания и природа психического в целом. И, наконец, многие аналитические философы сами приняли и продолжают принимать активное участие в этих разработках¹.

Тесная связь философии сознания с исследованиями, ведущимися в области искусственного интеллекта и когнитивной науки, объясняет некоторые ее важные особенности. Во-первых, становится понятным, почему при необычайно богатом разнообразии обсуждаемых проблем в этой области основное внимание аналитических философов сосредоточено на психофизической проблеме, т. е. на характере связи между сознанием и мозгом. Эта проблема непосредственно касается онтологических корней психического, что имеет особенно важное значение для научного изучения и моделирования психических функций. Во-вторых, это объясняет устойчивое преобладание физикалистского подхода в аналитической философии сознания, за которым часто стоит тот или иной вариант материализма. Хотя, как отмечает профессор Н.С.Юлина, пятьдесят лет физикалистской атаки на «бастион сознания» оказались безуспешными², число сторонников физикализма явно не сокращается. По сути, даже их главные оппоненты – дуалисты – сейчас делают ставку в основном не на «дуализм субстанций», а на так называемый «дуализм свойств», причисляя себя к лагерю «нередукционистских физикалистов».

Вместе с тем, будучи прямым порождением аналитической философии, современная философия сознания несет в себе ее главные особенности и, в частности, ту из них, которую принято обозначать как «лингвистический поворот». Рассмотренная сквозь призму языка, проблема природы психического предстает как вопрос о том, являются ли референциальными психологические термины, или предикаты, т. е. слова, с помощью которых мы описываем, объясняем и предсказываем свое собственное поведение и поведение других людей (вроде «желаний», «намерений», «верований» и т. д.), и если являются, то что же именно служит их референтами³. Кроме того, в духе характерного для аналитических философов истолкования реализма как определенной позиции в философии языка признание референциальности психологических терминов обозначается как «психологический, или ментальный реализм», а отрицание их референциальности – как «психологиче-

ский антиреализм». Антитеза «реализм-антиреализм» оказывается очень удобным средством, позволяющим свести великое многообразие противоборствующих сторон к некоторому общему «знаменателю», включив эти стороны либо в число сторонников психологического реализма, либо в число его противников. Наиболее крайние позиции среди данных сторон занимают приверженцы «наивного» психологического реализма и элиминативного материализма соответственно, а все остальные располагаются между ними в зависимости от того, к какой из этих крайних позиций они в большей степени тяготеют.

К наивным ментальным реалистам обычно относят обыкновенных людей, использующих психологические термины как языковые выражения, отсылающие к определенным элементам их внутреннего психического мира. Этот внутренний мир наполнен желаниями, чувствами, мыслями, намерениями и т. п., и для их описания человек пользуется словами так же, как и для описания предметов внешнего физического мира. Психологические термины считаются референциальными, т. е. они обозначают определенные сущности, и, хотя обычный человек мог бы охарактеризовать последние как принадлежащие к чему-то «субъективному» или к некой «субъективной реальности», противопоставляя их внешним «объективным» вещам, вопрос об их онтологическом статусе явно выходит за рамки позиции здравого смысла и относится к компетенции философов. Другим названием для наивного ментального реализма, используемым в современной философии сознания, является «фольк-психология» (или «народная психология»). Считается, что единственным оправданием подобного ментального реализма может служить ссылка на «так принято», т. е. тот довод, что исторически так сложилось, что люди стали описывать и объяснять свое собственное поведение и поведение других людей, ссылаясь на психологические феномены. Тот факт, что многие психологические теории в таком же духе используют те же, правда уточненные, психологические термины, а многие писатели, создавшие тончайшие и глубочайшие описания внутреннего мира своих героев, по праву являются знатоками человеческой души, не берется в расчет, поскольку, по мнению ориентированных на науку аналитических философов, чтобы выявить природу психического, необходимо исследовать наиболее простые его проявления, а уже

затем на их основе понять механизм порождения более сложных психических функций и структур. Это напрямую связано с вопросом о том, какой концептуальный аппарат должен лежать в основе научной психологии, должны ли наши привычные психологические термины сохраниться в нем или от них следует отказаться как от пустых, связанных с псевдореалиями. Самой радикальной позиции в этом вопросе придерживаются элиминативные материалисты, отстаивающие наиболее крайний и бескомпромиссный ментальный антиреализм.

Согласно элиминативному материализму, в действительности не существует психических явлений, поэтому его сторонники (У.Селларс, П.Фейерабенд, Р.Рорти, Пол и Патриция Черчлэнд и др.) безоговорочно отрицают референциальность психологических терминов и объявляют фольк-психологию абсолютно ложной теорией, не имеющей ничего общего с научной психологией, которая должна пользоваться совершенно иными терминами. Столь радикальное решение было продиктовано безуспешными попытками примирить привилегированный доступ, который каждый человек имеет к своим психическим состояниям и который якобы позволяет иметь практически безошибочное знание об этих состояниях, с объективностью научного подхода, требующего описаний с позиции третьего лица, т. е. не опирающихся на «привилегированный» доступ. Поскольку научные термины должны отсылать к тому, что может быть зафиксировано с позиции третьего лица, наши привычные психологические термины не могут быть научными, а потому должны быть элиминированы из языка науки.

Однако большинство аналитических философов не устраивает ни то, ни другое решение, ибо главный вопрос остается без ответа: что такое психическое и как оно связано с физическим? Философы, стремящиеся сохранить верность ментальному реализму, как правило, отстаивают дуалистическую позицию. В этом нет ничего удивительного, так как принято считать, что представления обычных людей о сознании и психическом в целом имеют корни в дуализме души и тела. Поскольку картезианский психофизический дуализм был подвергнут серьезной критике в современной философии (здесь достаточно вспомнить размышления позднего Л.Витгенштейна по поводу философской психологии и опровержение «мифа призрака в машине» Г.Райлом в его книге

«Понятие сознания»), его сторонников или – как сейчас говорят – сторонников «дуализма субстанций», признающих существование психического и физического как двух отдельных видов сущего, не так уж много, и наиболее известным среди них является оксфордский философ Дж.Фостер, продемонстрировавший в своей книге «Бестелесная самость» («Immaterial Self», 1991) наличие в антидуалистических теориях сознания серьезных внутренних несогласованностей. Значительно более широкую поддержку в современной философии сознания находит «дуализм свойств», или «двухаспектная теория», согласно которой нет двух отдельных видов сущего, а есть только одно сущее – личность, обладающая двумя не сводимыми друг к другу типами свойств: физическими и психическими. Первое наиболее полное изложение этот подход получил в книге П.Стросона «Индивиды» («Individuals», 1959), где автор предложил рассматривать человеческое существо не как соединение сознания и тела, а как единичную индивидуальную сущность, которой мы приписываем два типа совершенно разных предикатов: телесные (вес, рост и т. п.), и ментальные характеристики (намерения, мысли, чувства, воспоминания и т. п.) прямо или косвенно говорящие о состояниях сознания. Таким образом, психологические предикаты являются референциальными и, подобно физическим предикатам, обозначают определенные (нефизические!) свойства некоторых особых физических объектов, а именно тех, которые обладают мозгом. Но если для Стросона личность представляет собой исходное, не анализируемое далее понятие и он не считает оправданным вопрос о связи между физическими и психическими свойствами личности, то современные последователи двухаспектной теории (Дж. Сёрл, Т.Нагель, Дж. Фодор, Н.Блок и др.) не отрицают правомерности и принципиальной важности этого вопроса, но настаивают на том, что этот вопрос нельзя решить редуктивными методами, т. е. путем сведения психического к физическому. В своей трактовке связи психических свойств с их физическими носителями указанные философы, как правило, склоняются либо к эмерджентизму, либо к функционализму. Так, с точки зрения Дж. Сёрла и ряда других авторов, эти свойства по своему характеру являются эмерджентными в том смысле, что, достигнув определенного уровня сложности, физическая система может обрести принципиально новое свойство, кото-

рое нельзя объяснить или предсказать, исходя из ее физического строения. Напротив, Фодор стремится объяснить психическое в функциональных терминах. По его мнению, сознание-мозг является неким репрезентационно-вычислительным устройством, т. е. устройством, совершающим вычисления над определенными представлениями данных; для этого в нейронной структуре мозга реализован особый «язык мысли» (*Mentalese*), состоящий из ментальных символов, обладающих синтаксическими и семантическими свойствами. Именно эти семантические свойства языка мысли, по сути, и служат выражением психического. Таким образом, признавая «онтологический» физикализм, отрицающий существование ментальных феноменов, Сёрл, Фодор и др. подчеркивают, что, хотя психические явления возникают при соответствующих физико-биологических условиях, они не могут в своей основе быть физическими свойствами.

Итак, в целом для физикалистов же в мире не существует ничего, кроме физических вещей, явлений, процессов и т. п., поэтому психическое должно быть понято как часть физической реальности, однако, в отличие от дуализма свойств, редукционистский физикализм означает не только признание психических свойств у некоторых физических объектов, но и сведение этих психических свойств к физическим. Идея подобной редукции была высказана еще логическими позитивистами, которые представляли себе её как определенного рода перевод: свойство *a* редуцируемо к свойствам *b* и *c*, если предложения с выражением, обозначающим *a*, можно перевести в предложения, содержащие только выражения, обозначающие *b* и *c*. Так, Р.Карнап в статье «Психология на языке физики» (1931) объявил психологические предложения «взаимно переводимыми в некоторые предложения физического языка, а именно, в предложения о физическом состоянии рассматриваемого человека»⁴. Однако реализовать эту программу перевода не удалось, как, впрочем, и программу перевода предложений с психологическими терминами в предложения о поведении, выдвинутую логическими бихевиористами. Значительно более перспективной многим аналитическим философам показалась идея сведения, основанная не на процедуре перевода, а на установлении коэкстенциональности терминов, обозначающих психические и физические состояния.

Как известно, одним из важнейших результатов научных исследований является установление так называемых теоретических тождеств, т. е. тождеств вроде «вода есть H_2O », «свет есть электромагнитное излучение» и т. п. Эти тождества означают, что два термина, один из которых является привычным словом из повседневного и научного обихода, а второй – теоретическим термином, совпадают по экстенсионалу, т. е. обозначают одну и ту же вещь или явление, но различаются по интенционалу, т. е. по связываемому с ними смысловому содержанию. В конце 1950-х гг. австралийские философы Д. Армстронг и Дж. Сمارт высказали предположение, что в ходе научных исследований будет установлено аналогичное тождество между нашими психологическими терминами и терминами, отсылающими к определенным физико-биологическим процессам или состояниям в мозге. Например, будет открыто, что боль представляет собой не что иное, как некоторое нейрологическое состояние, а именно возбуждение С-волокон. Таким образом, психические явления – это действительные внутренние состояния организма, имеющие свойство вызывать определенный спектр поведенческих реакций в ответ на внешние стимулы, а соответствующим образом функционирующий мозг образует материальную основу психических способностей. Согласно Армстронгу и Смарту, психические явления тождественны состояниям центральной нервной системы, поэтому их концепция получила название материализма центральных состояний, а лежащий в ее основе общий подход стали определять как *теорию тождества* сознания и мозга.

Довольно скоро обнаружился важный недостаток материализма центральных состояний: эта теория допускала наличие одинаковых психических состояний только у существ с одинаковой нейронной структурой, однако многие философы сочли безосновательным предполагать, что одно и то же психическое состояние не может быть «реализовано» многими разными способами. Д. Дэвидсон предложил новый вариант теории тождества сознания и мозга – аномальный монизм, согласно которому тождество имеет место не между определенным типом психических и физических состояний, а между некоторым отдельным психическим и некоторым отдельным физическим событием. Это решение вызвано тем, что, с точки зрения Дэвидсона, нельзя сформулировать психофизи-

ческие законы, фиксирующие номологическую связь между психическими и физическими событиями, ибо, описывая события с помощью психологических терминов, мы можем использовать эти описания только в сингулярных каузальных высказываниях, но не в формулировках законов⁵. Но поскольку причинная связь между психическими и физическими событиями существует, мы должны иметь возможность описывать первые иным образом, т. е. как физические причинно связанные друг с другом. Это означает, что события являются психическими только благодаря своему описанию. В результате существует один вид событий, который допускает различные концептуализации⁶. Таким образом, будучи онтологическим монистом и эпистемологическим дуалистом, Дэвидсон подчеркивает несводимость психического к физическому, выступая в поддержку нередукционистского физикализма, но, в отличие от сторонников дуализма свойств, он полагает, что физические свойства и законы имеют приоритет над психическими. Эту идею он сформулировал в виде «тезиса супервенции (сопутствия)», согласно которому не может быть двух объектов или событий, совпадающих во всех своих физических аспектах и при этом различающихся в некоторых ментальных отношениях.

Тема различных реализаций одного и того же психического состояния получает несколько иное развитие в функционализме – еще одном варианте решения психофизической проблемы, предложенном в начале 1960-х гг. американским философом Х.Патнэмом. По сути, в функционализме психические состояния отождествляются не с физическими состояниями мозга, а с его функциональными состояниями. Последние могут быть описаны формальным образом в терминах связей с «входом», «выходом» и другими состояниями. Это значит, что внутреннее состояние организма является психическим не благодаря какому-то присущему ему свойству, а благодаря его связям с сенсорным возбуждением (входом), другими внутренними состояниями и поведением (выходом). Например, оно является болью в силу своей принадлежности к тому типу состояний, которые обычно вызываются уколами булавки, солнечными ожогами и т. п., порождают другие психические состояния (например, беспокойство) и обуславливают определенное поведение (например, возглас «ой!»). Патнэм для описа-

ния функциональных состояний использовал формализмы теории машин Тьюринга, однако в дальнейшем были привлечены и другие математические ресурсы. Функциональный подход оказался очень перспективным, и до сих пор он представляет собой *mainstream* в философии сознания. В последние годы новый импульс функционализму был дан коннекционизмом, на который многие сейчас возлагают большие надежды. Если в прежних вариантах функционализма использовались сети с последовательной обработкой данных, то коннекционизм означает использование сетей, осуществляющих параллельную обработку данных, что открывает широкие возможности для моделирования самообучающихся систем. Как известно, функционализм играет важную роль в синтетичной и оригинальной концепции одного из наиболее известных философов сознания наших дней – Д.Деннета, для которого сознание является сложным переплетением многофункциональных, полуавтономных, частично конкурирующих друг с другом элементов. Поступающая в мозг от органов чувств информация подвергается в этих элементах параллельной обработке и интерпретации, что приводит к созданию «множественных набросков» восприятия, которые затем жестко «редактируются» со стороны биологически встроенных и социально приобретенных предрасположенностей организма. Прошедшие отбор «наброски» проявляются в вербальном поведении, а Я, таким образом, выступает как «центр нарративной гравитации».

Итак, физикализм предполагает следующее истолкование психического: пусть P – психическое свойство или состояние; мы предполагаем существование его физического или функционального «коррелята» F , т. е. такого свойства или состояния, с которым P необходимым образом образует один и тот же экстенционал у двух разных терминов. Хотя, в отличие от элиминативного материализма, при таком подходе не отрицается полностью референциальность психологических терминов, однако она кардинально пересматривается: эти термины являются обозначающими, но они обозначают не какие-то ментальные сущности, а вполне приемлемые для физикалистской вселенной вещи⁷. Поэтому редукционистские физикалисты относятся к лагерю психологических антиреалистов, тогда как сторонники нередукционистского физикализма тяготеют к психологическому реализму.

Спор между сторонниками и противниками психологического реализма не утихает уже несколько десятилетий. И с той, и с другой стороны было выдвинуто немало интересных концепций и изощренных доводов. Конечно, в пользу психологического антиреализма говорит тот факт, что он лучше согласуется с естественнонаучным материализмом, лежащим в основе когнитивной науки и всего современного естествознания в целом, и обеспечивает более простую онтологическую картину мира: если устранить из вселенной все физические сущности, то в ней ничего не останется – никакого психического «остатка». Сведение психического к физическому упрощает и решение проблемы психофизической каузальности, т. е. вопроса о том, как психические состояния могут причинно обуславливать физические действия. Эта проблема перестает быть загадкой, так как подобное причинное обуславливание оказывается простой разновидностью физической каузальности. Свидетельством в поддержку психологического антиреализма служит и наличие у психических явлений определенных свойств, указывающих на их тесную связь с физическими явлениями. Так, психические явления имеют определенную пространственно-временную локализацию, совпадающую с локализацией определенного физического тела. Кроме того, мозг, как телесный орган, непосредственным образом связан с психической активностью: его целостность и функционирование являются необходимым условием целостности и функционирования психики; сложность его структуры и организации по сравнению с другими телесными органами наводит на мысль о его особых, неординарных функциях. И, наконец, имеется взаимодействие и взаимовлияние между психическими и физическими явлениями и процессами. Все эти свойства свидетельствуют о локализации психического внутри физического мира и не позволяют воспринимать его как нечто внешнее и оторванное от физических явлений. Вместе с тем психическое обладает и рядом других свойств, которые заставляют нас четко отличать его от физического.

О забвении именно этих свойств философами, увлекшимися физикалистским редукционизмом, и написал в своей книге «Открывая сознание заново» (1992)⁸ известный американский философ Джон Сёрл. Он напомнил, что при объяснении природы сознания и психического в целом нельзя забывать о таких его ха-

рактических, как субъективность, интенциональность, феноменистическая качественность, свобода, недоступность внешнему наблюдению и т. п. Однако Сёрл отнюдь не был одинок в стремлении остудить редукционистский пыл своих коллег по философии сознания. Заслуга психологических реалистов состоит в том, что они сформулировали ряд важных и широко обсуждаемых аргументов, показывающих невозможность осуществления предлагаемых редукций психического к физическому.

Своеобразным манифестом для философов, отрицающих возможность постичь природу психического на основе чисто объективного подхода, стала статья американского философа Т.Нагеля «Что значит быть летучей мышью?»⁹, в которой он попытался показать, что никакого количества научного объективного знания недостаточно, чтобы ответить на вопрос, вынесенный в название статьи. Согласно Нагелю, наука интересуется объективными фактами, фиксирующими независимые от наблюдателя характеристики вещей, к которым мы получаем доступ благодаря отвлечению от любых субъективных восприятий или точек зрения. В отличие от объективных, субъективные факты, т. е. факты, выражающие наш осознаваемый феноменистический опыт, не существуют независимо от точки зрения конкретного субъекта и сущностным образом связаны с тем, как они являются или представляются ему. Феноменистический опыт, открытый одному субъекту, нельзя наблюдать с других точек зрения, именно поэтому эта сфера реальности недоступна для научного исследования. Я знаю, что значит быть мной, но не знаю, что значит быть летучей мышью, поскольку, к примеру, я не знаю, что значит переживать в опыте звуковую эхолокацию, ибо, чтобы это знать, человек должен сам иметь эти переживания, которые в этом смысле являются зависимыми от точки зрения, а стало быть, субъективными.

Поскольку в ответ на аргумент Нагеля многие возражали, что психические явления открыты для наблюдения с разных точек зрения, например, благодаря интроспекции и скажем, наблюдению за нейрофизиологическими процессами в мозге, австралийский философ Ф.Джексон в 1982 г. сформулировал дополнительный аргумент¹⁰ с целью продемонстрировать принципиальную разницу в знании, которое человек получает с субъективной и объективной точек зрения. Он предложил следующий мысленный эксперимент.

Представим себе, что талантливый ученый-нейрофизиолог Мэри всю свою жизнь провела в комнате, в которой она могла видеть только черный и белый цвета; все остальные цвета были ей недоступны. Однако она имела возможность досконально изучить физиологические процессы, происходящие в мозге человека, когда он видит все другие цвета. Однажды Мэри предоставилась возможность увидеть что-то красное. Получила ли она при этом какое-то новое знание в дополнение к тому, которое у нее уже имелось благодаря научным исследованиям физиологических процессов, происходящих в мозге человека при восприятии красного цвета? Согласно Джексону, опираясь на наши интуитивные представления, мы должны согласиться с тем, что Мэри узнала новый факт о природе чувственного опыта, который прежде был ей недоступен. Отсюда следует, что физические факты не исчерпывают собой всех фактов, которые могут быть нам известны, и поэтому полное физикалистское описание психики невозможно. А раз так, то и сведение психического к физическому, при котором невозможно учесть его субъективность, оказывается делом, обреченным на неудачу, поскольку за бортом остается что-то принципиально важное для понимания психики.

Американский философ Сол Крипке в своей работе «Именование и необходимость» (1980)¹¹ показал, что нельзя отождествлять психические и физические состояния, например, «боль» и «возбуждение С-волокон»¹² по аналогии с теоретическим отождествлением воды и H_2O , поскольку в случае воды вполне оправданно провести различие между ее внутренней сущностью (химическим строением) и тем, как вода нам является или представляется. Это различие и фиксируется наличием двух терминов: «вода» и « H_2O », различающихся по интенционалу и совпадающих по экстенционалу. Однако в случае психических состояний, например боли, аналогичное различие сущности и явления, согласно Крипке, невозможно, так как для боли существенно именно то, как она ощущается, т. е. ее феноменологические свойства. Это означает, что термины «боль» и «возбуждение С-волокон», различающиеся по интенционалу, не могут не различаться и по экстенционалу.

Невозможность физической редукции психического призван обосновать и аргумент Сёрла, известный под названием «китайская комната»¹³. Предположим, что человека, не знающего ки-

тайского языка, помещают в комнату с картотекой, содержащей большое количество карточек с китайскими иероглифами. Его снабжают подробной инструкцией, как для определенных последовательностей иероглифов, передаваемых ему через маленькое окошко, подбирать в картотеке другие последовательности иероглифов. Допустим, что инструкция составлена очень хорошо и человек прекрасно справляется со своим заданием. Ему передают последовательности иероглифов, представляющие собой вопросы на китайском языке, а он подбирает последовательности, которые фактически являются «ответами» на эти вопросы, причем эти ответы оказываются неотличимыми от ответов людей, знающих китайский язык. Таким образом, человек успешно проходит тест Тьюринга на знание китайского языка, но при этом он не понимает ни слова по-китайски. Этот пример, воспроизводящий работу вычислительного устройства, по замыслу Сёрла, призван показать, что мы не можем уподоблять психику человека вычислительному устройству, поскольку последнее действует только на синтаксическом уровне, а для существования психического, например, для понимания языка, недостаточно синтаксических манипуляций, необходима семантика.

Цель перечисленных и многих других аргументов состоит в том, чтобы показать, что психическое представляет собой совокупность особых свойств высокоорганизованных организмов, обладающих мозгом. Эти свойства в ряде аспектов противоположны физическим характеристикам, но на изучение именно этих свойств должны быть направлены усилия философов, пытающихся разгадать загадку сознания. Как уже отмечалось, некоторые нередукционистские физикалисты трактуют психические свойства как эмерджентные, однако при всей привлекательности такого подхода его сторонники не могут дать приемлемого определения эмерджентного свойства, а потому совершенно неясно пока, как можно перекинуть мостик от физических свойств к тому, что во многом является их противоположностью. С точки зрения психологических антиреалистов, если трактовать психическое в эмерджентном духе, то решение психофизической проблемы становится абсолютно бесперспективным, поэтому они стараются найти иное, согласующееся с физикализмом объяснение таких свойств сознания, как субъективность, интенциональность и т. п.

Основная стратегия психологических антиреалистов состоит в том, чтобы перевести рассмотрение указанных свойств из онтологической плоскости в эпистемическую или лингвистическую. Если исходить из предложенной Дэвидсоном трактовки психического как особого способа описания определенных событий или, иначе говоря, как особого вида репрезентаций, то вполне естественным будет истолкование его свойств как характеристик, присущих способам речи, которые используются в такого рода описаниях и репрезентациях. Так, например, американский философ У.Лайкен¹⁴ предложил индексикальную теорию субъективности психического, в которой представил чувственные восприятия как репрезентации первого порядка: мое восприятие голубой чашки является репрезентацией чашки как чего-то голубого. Когда же я интроспективно направляю свое внимание на это зрительное восприятие, я создаю репрезентацию репрезентации голубой чашки, т. е. репрезентацию второго порядка. Другие люди могут образовывать синтаксически сходные второпорядковые репрезентации, однако последние будут касаться их собственных репрезентаций первого уровня, а не моей. Согласно Лайкену, здесь имеет место прямая аналогия с употреблением в речи индексикальных языковых выражений (таких, как «я», «это», «здесь» и т. п.). Когда я произношу фразу: «У меня болит нога», – я имею в виду собственную ногу, и только я могу использовать эту фразу для указания на свою ногу. Другой человек может использовать синтаксически сходную конструкцию, но в этом случае фраза: «У меня болит нога», – будет уже репрезентировать его ногу. Аналогичным образом только я могу репрезентировать свои психические состояния как первопорядковые благодаря интроспективному применению самореференциальных индексикальных понятий. Именно в этом, согласно Лайкену, и состоит правильно понятая субъективность сознания.

В сходной манере Д.Деннет строит объяснение интенциональности. Для него интенциональные выражения не описывают и не обозначают никаких реальных явлений, однако при отсутствии знания физических законов, управляющих поведением тех или иных физических систем, интенциональные выражения являются полезной установкой для предсказания поведения этих систем. Описывая движение амебы в лабораторной колбе, мы можем сказать, что она «ищет» пищу. Применение здесь интенциональной

установки позволяет предсказать ее движение, но оно не опирается на предположение, что амеба действительно преследует эту цель. Как мы приписываем интенциональность амебе, так мы приписываем её и более сложным высокоорганизованным системам; никакой внутренне присущей интенциональности не существует. В мозге нет ничего магического, но его способности кажутся таковыми и заставляют предположить существование таких загадочных свойств, как интенциональность, только потому, что они представляют собой совокупный продукт сложного взаимодействия функциональных компонентов мозга. Вместе с тем, по мнению Деннета, «при осмотнительном использовании интенциональная установка ... может дать ключ к разгадке тайн психики»¹⁵, поскольку с ее помощью можно выявить различия в эволюции психического и понять, как возник наш человеческий вид психики.

Как признают многие авторы, стратегию истолкования психических явлений как особого рода репрезентаций, т. е. объектов с семантическими свойствами (содержанием, референцией, условиями истинности, истинностным значением и т. п.) легче осуществить в отношении психических явлений, имеющих пропозициональное содержание¹⁶. В этом случае можно говорить об одном и том же содержании разных психических состояний. Например, если Джон и Питер думают, что снег бел, то им приписывается одно и то же ментальное содержание, или если Джон думает, что скоро выздоровеет, и надеется скоро выздороветь, то при всем различии «психологического модуса» его психических состояний они совпадают по своему содержанию. Таким образом, содержание психических состояний отождествляется со значением лингвистического выражения, используемого для сообщения об этих состояниях, а значение в свою очередь можно трактовать не как находящийся в голове говорящего ментальный образ или что-то индивидуально-личное, а как нечто такое, что определяется каузальными связями говорящего с миром¹⁷. В результате содержание психических состояний человека оказывается зависящим от его внешнего окружения, а не фиксируется полностью внутренним физическим или функциональным состоянием его мозга. Несомненно, применение этого подхода к состояниям с пропозициональным содержанием сопряжено с немалыми трудностями, однако ситуация еще более усложняется, когда мы обращаемся к психическим явлениям, не имеющим подобного со-

держания, а именно, когда мы рассматриваем ощущения и восприятия, обладающие качественным феноменологическим характером. Если трактовать их как особые, неконцептуальные репрезентации и уподоблять рисункам, картам и фотографиям, то неизбежно встает целое множество непростых проблем: есть ли между концептуальными и неконцептуальными репрезентациями генетическая связь, в чем состоит их сходство, редуцируемы ли они друг к другу и т. п.

На наш взгляд, пытаясь ответить на подобные вопросы, не следует забывать об одной важной особенности психологических понятий, которые применяются в двух очень различных типах ситуаций: во-первых, мы применяем их к самим себе, опираясь на наше «внутреннее» знание собственных психических состояний, и, во-вторых, мы приписываем их другим людям, основываясь на «внешнем» проявлении психических состояний в их поведении и речи. Эти два способа называют приписыванием от первого и третьего лица соответственно, в силу грамматической формы тех выражений, в которых они обычно осуществляются. Проблема состоит в том, что в зависимости от выбора исходной позиции (от первого или третьего лица), с которой рассматриваются психические явления, можно прийти к различным представлениям о самой природе этих явлений. Мы больше склонны занимать позицию от первого лица при объяснении чувственной составляющей опыта, представленной разного рода телесными ощущениями и восприятиями, и если эта позиция берется в качестве исходной, то вопрос, как ощущения человека могут быть представлены другим людям, приобретает вторичное значение. В этом случае упор делается на субъективность, качественную индивидуальность психического. При объяснении же тех элементов психического, которые имеют пропозициональное содержание, на первый план выходит вопрос, как они фигурируют в формировании предрасположенностей человека к определенному поведению, в том числе и вербальному. Это задает видение психического как одного из компонентов сложного взаимодействия человека с внешним – природным и социальным окружением. Тем самым мы вернулись к прежней проблеме: какие свойства психического считать приоритетными?

Известный биолог Томас Гексли (или Хаксли) однажды сказал, что возникновение осознанного состояния из возбуждения нервной ткани столь же непостижимо, как и появление джинна из

лампы Аладдина. Многие современные философы скептически воспринимают результаты, полученные когнитивной наукой и философией сознания: по их мнению, они нисколько не продвинули нас в понимании психического. Отсюда делается вывод, что эта сфера человеческого бытия недоступна для научного исследования. Другие аналитические философы не оставляют надежды на то, что в конечном счете удастся продемонстрировать, как можно, говоря словами Ф.Дрекке, «испечь ментальный пирог, используя лишь физические дрожжи и муку»¹⁸. Насколько оправдан их оптимизм, покажет время, однако их усилия в этом направлении несомненно интересны и заслуживают внимательного изучения.

Примечания

- ¹ Более того, многие из аналитических философов являются специалистами и в иных, помимо философии, областях. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что с самого возникновения аналитической философии многих ее представителей отличало профессиональное владение той или иной научной дисциплиной (достаточно вспомнить Фреге, Рассела, членов Венского кружка). Более того, практически для всех без исключения известных аналитических философов характерно углубленное и заинтересованное знание того, что происходит в науке. То же самое можно сказать и о современных аналитических философах сознания. Многие из них, помимо философии, профессионально занимаются математикой, нейронаукой, психологией, лингвистикой и т. д. Например, Д.Деннет изучал в университете не только философию, но и нейронауку. Профессиональные интересы Дж.Фодора включают лингвистику и психологию. П.Черчленд является специалистом не только в области философии сознания, эпистемологии и истории науки, но и в области нейронауки. Х.Патнэм углубленно изучал математику и теорию вычислительных машин (машин Тьюринга). Этот список можно продолжить.
- ² См.: Юлина Н.С. Тайна сознания: альтернативные стратегии исследования // *Вопр. философии*. 2004. № 10. С. 125–135; № 11. С. 150–164.
- ³ Однако нельзя не отметить, что в философии сознания заметнее, чем в других областях современной аналитической философии, проявляется стремление преодолеть ограниченность чисто лингвистического подхода.
- ⁴ Carnap R. *Psychology in a Physical Language* // *Logical Positivism* / Ed. by A.J.Ayer. N.Y., 1959. P. 166.
- ⁵ Например, мы можем объяснить, почему какой-то человек, скажем Джон, подошел к холодильнику и достал оттуда бутылку с водой, указав, что он испытывал жажду и знал, что в холодильнике есть вода. Но мы не можем сформулировать «закон», согласно которому каждый раз, когда человек испытывает жажду и знает, что в холодильнике есть вода, он подходит к нему и достает из него воду.

- ⁶ Дэвидсон объясняет эту несводимость психического к физическому тем, что они, как разные виды описания, подчиняются разным принципам. Например, одним из принципов, управляющих применением физических предикатов (длины, массы, температуры, времени и т. п.) является принцип измеримости, который в свою очередь предполагает транзитивность. Допустим, в ходе измерения трех физических объектов было установлено, что первый длиннее второго, а второй длиннее третьего, но при этом первый не длиннее третьего. В такой ситуации мы сочтем, что либо мы неправильно произвели измерение, либо длины этих объектов изменились в ходе выполнения этой процедуры. Единственное, в чем мы не будем сомневаться, так это в принципе транзитивности длины, поскольку без него невозможно применять данный физический предикат, т. е. этот принцип является конституирующим для физического. Еще одним конституирующим принципом является номологичность причинных связей: события, связанные причинной зависимостью, должны подчиняться под некоторый закон. Что касается психических явлений, то их конституирующими принципами являются нормативность и холизм. Первая означает, что психические явления подчиняются требованиям рациональности и когерентности. Холизм же ментальных состояний проявляется в том, что человеку нельзя приписать ни одно из них, не приписывая одновременно и какого-то другого (или других).
- ⁷ Впрочем, следует отметить, что здесь не все так безоблачно, поскольку некоторые критики обвиняют функционалистов в том, что они используют не проясненное в онтологическом и каузальном плане понятие функционального состояния.
- ⁸ Русский перевод этой книги, выполненный проф. А.Ф.Грязновым, вышел в 2002 г.
- ⁹ См.: *Nagel T. What It Is Like to Be a Bat? // Philosophical Review. 1974. Vol. 82. P. 435–450.*
- ¹⁰ См.: *Jackson F. Epiphenomenal Qualia // Philosophical Quarterly. 1982. Vol. 32. P. 127–136*, а также в более развернутом виде: *Jackson F. What Mary Didn't Know? // Journal of Philosophy. 1986. Vol. 83. P. 291–295.*
- ¹¹ См. *Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, 1980.*
- ¹² Хотя Крипке формулирует свой аргумент против отождествления психических и нейрофизиологических (или физических) состояний, его можно считать направленным и против функционалистского варианта теории тождества сознания и мозга.
- ¹³ Аргумент был сформулирован в статье: *Searle J. Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3. № 3. P. 417–457.*
- ¹⁴ См. *Lycan W. What is the 'Subjectivity' of the Mental? // Philosophical Perspectives. 1990. Vol. 4. P. 109–130* или более подробно: *Lycan W. Consciousness and Experience. Cambridge, 1996.*
- ¹⁵ Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М., 2004. С. 34.
- ¹⁶ Иначе говоря, их содержание может быть выражено в виде суждений.
- ¹⁷ Такая трактовка значения дается в каузальной теории референции, предложенной С.Крипке и Х.Патнэмом.
- ¹⁸ *Dretske F. Knowledge and the Flow of Information. Cambridge, 1980. P. 8.*

Библиография

Carnap R. Psychology in a Physical Language // Logical Positivism. Ed. by A.J.Ayer. N.Y.: Free Press, 1959. P. 165–197.

Dretske F. Knowledge and the Flow of Information. Cambridge (MA): MIT Press, 1980.

Jackson F. Epiphenomenal Qualia // Philosophical Quarterly. 1982. Vol. 32. P. 127–136.

Jackson F. What Mary Didn't Know? // Journal of Philosophy. 1986. Vol. 83. P. 291–295.

Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1980.

Lycan W. What is the 'Subjectivity' of the Mental? // Philosophical Perspectives. 1990. Vol. 4. P. 109–130.

Lycan W. Consciousness and Experience. Cambridge (MA): MIT Press, 1996.

Nagel T. What It Is Like to Be a Bat? // Philosophical Review. 1974. Vol. 82. P. 435–450.

Searle J. Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3. № 3. P. 417–457.

Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2004. С. 34.

Патнэм Х. Философия сознания / Пер. с англ. М.: ДИК, 1999.

Прист С. Теории сознания. М.: ДИК – Идея-Пресс, 2000.

Сёрл Дж. Открывая сознание заново / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2002.

Юлина Н.С. Тайна сознания: альтернативные стратегии исследования // Вопр. философии. 2004. № 10. С. 125–135; № 11. С. 150–164.